

Услышав упоминание о биржевых делах отца, Чжу Таотао непроизвольно поморщился. На его лице отразилось раздражение вперемешку с отчетливым отвращением — было ясно, что возвращаться к этой теме он не желает. Однако Юэ Цянь уже устроился на пассажирском сиденье его машины, и деваться было некуда.

— Все поступки моего отца диктовались исключительно тщеславием, — выдавил наконец Таотао, — и эта затея с акциями не исключение. Вы думаете, он и впрямь хотел, чтобы рабочие разбогатели? Совсем нет. Ему просто нравилось купаться в их лести.

Когда Чжу Цзяньшоу только начинал играть на бирже, молодой человек уже учился в университете. Вторая тётюшка, имевшая обширные связи среди брокеров, сколотила на инвестициях приличное состояние. Она прочила племяннику блестящее будущее в финансовой сфере и буквально заставила его открыть счет. В те времена для человека, владеющего инсайдерской информацией, делать деньги было проще простого, но Чжу Таотао не слишком увлекался процессом, довольствуясь скромной прибылью. Старик Чжу же, напротив, вошел в раж. Попробовав себя в роли «гуру», он уже ни о чем другом, кроме котировок, думать не мог.

Стоило юноше приехать домой, как он заставал в гостиной толпу просителей. Рабочие заискивали перед его отцом, ловили каждое слово и едва ли не молились на него, как на живое божество. Ему это зрелище внушало лишь омерзение. Чжу Цзяньшоу же, ко всему прочему, обожал выставлять сына перед гостями, с пеной у рта доказывая, какой тот блестящий финансист. Он хвастался, что скоро сын пойдет работать в крупную брокерскую компанию и что половина его «верных сведений» получена именно от наследника.

От этих слов у Таотао мурашки бежали по коже. Он старался как можно скорее сбежать из дома, и если бы Мэй Лисянь не звала его постоянно на обед, он бы и вовсе носа туда не казывал.

Позже ситуация на рынке изменилась. Инсайды тётюшки начали давать осечки; она несла убытки, а вслед за ней и Чжу Цзяньшоу. Заводчане, прежде перевозносившие его, теперь не скрывали недовольства. Они обвиняли старика Чжу в дезинформации и постепенно перестали обивать пороги их дома. Молодой человек наконец вздохнул с облегчением. Даже Мэй Лисянь признавала, что в их жилище давно не было так тихо и покойно.

Впрочем, у Чжу Цзяньшоу оставалось несколько преданных последователей. И все они, без исключения, были из круга общения его жены.

Мэй Лисянь, будучи женщиной честной и мягкой, пользовалась в цехах авторитетом — рабочие видели в ней надежную старшую сестру. Гун Сяюнь была ей особенно близка, а потому, когда ей удалось немного подзаработать на акциях, её благодарность семейству Чжу не знала границ. Мэй Лисянь не раз советовала подруге вовремя выйти из игры, но беда была в том, что та знала эту семью слишком хорошо. Она была в курсе, что Чжу Цзяньшоу время от времени подсовывает рабочим ложные сведения.

Юэ Цянь перебил его:

— Ложные сведения?

Собеседник пояснил, что когда вначале все вокруг начали богатеть, в душе его отца произошел странный надлом. Ему хотелось, чтобы люди зарабатывали — ведь тогда они продолжали бы его боготворить. Но в то же время он желал, чтобы они зарабатывали меньше него — так он сохранял над ними свое превосходство. Поэтому в поток правдивой информации он начал подмешивать ложь. В итоге кто-то выигрывал, а кто-то терял всё.

И только самым близким Чжу Цзяньшоу давал безупречно точные прогнозы.

Гун Сяюнь и Мэй Лисянь проводили вместе почти каждый день. Естественно, старик Чжу не мог обманывать подругу жены и за чаем часто рассказывал о своих манипуляциях как о забавной шутке. Мэй Лисянь же заверяла Гун Сяюнь: пока она рядом, муж её ни за что не проведет.

Поэтому, когда Чжу Цзяньшоу сам перестал понимать, куда дует ветер, женщина продолжала наивно ему верить. К тому моменту она вложила в акции не только свои сбережения, но и деньги родителей, и накопления мужа. Потеряв половину капитала, она отказалась забирать остатки, одержимо надеясь на скорый разворот рынка.

Но реальность была сурова: у мелких игроков не бывает вторых шансов.

— Подождите, — Юэ Цянь вдруг осознал одну важную деталь, — получается, Гун Сяюнь купила квартиру уже после того, как прогорела на бирже?

Таотао кивнул:

— Если бы она не ввязалась в это дело, её собственных накоплений вполне хватило бы на покупку жилья.

В его глазах Гун Сяюнь была одной из самых счастливых женщин на заводе. Она была единственной дочерью, и родители, экономя на всем, помогали её маленькой семье. Её муж не имел вредных привычек, был честным трудягой и первоклассным мастером с зарплатой выше средней. Почти всё заработанное он отдавал жене, оставляя себе лишь сущие гроши. Цзюнь Вэнь и вовсе была подарком судьбы: отличница, послушная, не требующая лишних трат и души не чающая в матери — обо всём этом та сама с гордостью рассказывала Мэй Лисянь.

Денег у неё в запасе было немало, и когда она разом вынесла всё на биржу, Мэй Лисянь пришла в истинное замешательство.

Гун Сяюнь тогда расписывала подруге по пунктам, на что пойдут барыши: во-первых, новая

просторная квартира — она обожала цветы, ей нужен был большой балкон под оранжерею; во-вторых, образование Цзюнь Вэнь — девочка вот-вот пойдет в старшую школу, и хотя она наверняка поступит в лучшую гимназию города, конкуренция там огромная, понадобятся репетиторы, а в будущем — огромная сумма на обучение за границей... Итог был прост: ей нужно было поставить на кон всё, чтобы сорвать максимальный куш.

— Так вот почему Мэй Лисянь так настойчиво пыталась одолжить ей деньги на жилье? — Юэ Цянь прищурился. — Она чувствовала свою вину перед подругой. И готова была пойти на конфликт с мужем, лишь бы выдать эту сумму.

Таотао на мгновение задумался.

— Возможно. Моя мать была человеком принципиальным, а отец... он, должно быть, тоже ощущал неловкость. Наш переезд в Цзинмэй Таоюань тоже отчасти был продиктован его чувством вины.

— Квартира ведь была куплена задолго до этого?

— Да, но отец был капризен, ремонт тянулся годами. К тому же ему нравилось возвращаться среди рабочих. А в Цзинмэй Таоюань, где живут одни «старые деньги», перед кем ему было хвастаться? — Он добавил, что хотя дома об этом не говорили вслух, было ясно: старик Чжу струсил. Столько людей лишились последнего из-за его советов, и он, вероятно, всерьез опасался мести. Возвращаться к заводским ему было просто стыдно.

— Никто не властен над обвалом рынка, но я считаю, что мой отец всё же погубил жизни многих людей, — Таотао замолчал, словно подбирая слова для чего-то важного.

Следователь выжидающе посмотрел на него:

— Что такое?

Тот покачал головой:

— Вспомнил сейчас семью Гун Сяюнь... Цзюнь Вэнь. Её и впрямь очень жаль.

В представлении Таотао, Цзюнь Вэнь была самым умным и волевым ребенком на всем заводе. Возможно, будучи сам человеком довольно мягкотелым, он искренне восхищался её стойкостью. Самые тяжелые времена для семьи Гун наступили как раз тогда, когда девочка училась в старших классах и университете.

Первая средняя школа Наньхэ — лучшее учебное заведение города, где полно детей из богатых семей. Таотао попал туда только благодаря связям и деньгам, поэтому прекрасно знал местный контингент. Однажды он зашел в школу навестить учителей и столкнулся в столовой с Цзюнь

Вэнь. В этой школе не было традиции носить форму; девочка была в застиранной до белизны куртке, а перед ней на подносе стоял лишь рис и порция битых огурцов. Вокруг же порхали нарядные сверстницы, чьи тарелки ломились от мяса.

Классный руководитель молодого человека по совместительству вел английский у Цзюнь Вэнь. Когда парень вскользь упомянул её имя, учитель, приняв его за дальнего родственника девочки, просил передать родителям: ребенку нужно нормальное питание и хоть немного карманных денег. В этом возрасте девочки очень чувствительны, не стоит доводить её до глубоких комплексов — такое клеймо остается на всю жизнь.

Таотао обещал передать, но так и не решился. Дома он услышал от матери, что Гун Сяюнь затеяла ремонт и вся семья живет впроголодь, затянув пояса. Она больше не играла на бирже, выгадывая каждую копейку, и больше всего радовалась тому, какая Цзюнь Вэнь «послушная и понимающая» — тратит в неделю всего пятьдесят юаней, облегчая родителям ношу.

Собеседник офицера тогда вспомнил ту сцену в столовой, и у него едва не сорвалось с языка: «А какой толк в её послушании? К чему это приведет?» Но он промолчал. Трус, не способный разобраться даже со своей жизнью, он не нашел в себе сил вмешаться в чужую.

Мэй Лисянь, одолжив денег на квартиру, и так оказала огромную помощь. Гун Сяюнь, вероятно, даже в голову не пришло просить еще и на учебу дочери.

Рассказывая о Цзюнь Вэнь, Таотао заметно волновался. Юэ Цянь чувствовал: в нем говорит давняя обида за ту девочку, слова, которые годами просились наружу.

— Цзюнь Вэнь так и не уехала за границу? — уточнил следователь.

— Если бы она родилась в семье хоть чуточку получше, это не было бы проблемой. Глядя на неё, я впервые понял, как ужасна доля «послушных» детей. Чем больше ты готов терпеть, тем больше на тебя взваливают. А близкие еще и гордятся этим, выставляя твое умение страдать как достижение.

Юэ Цянь внимательно посмотрел на него:

— Похоже, вы недолюбливаете Гун Сяюнь?

Тот качнул головой:

— Не в этом дело. Ко мне она всегда относилась хорошо, да и к матери тоже. Мне просто по-человечески жаль Цзюнь Вэнь.

Помолчав, Юэ Цянь произнес:

— Я уезжаю в Цанлун.

Чжу Таотао вскинул брови:

— Зачем?

— Совместное расследование с местной полицией по делу об исчезновении вашей кузины, Вэй Яхуа. Есть вероятность, что это поможет нам найти убийцу Чжу Цзяньшоу.

Собеседник нахмурился:

— Значит, Цзяхань вы больше не подозреваете?

Юэ Цянь усмехнулся:

— Похоже, судьба бывшей жены заботит вас куда больше, чем смерть отца.

— Цзяхань здесь ни при чем. Я просто прошу вас не беспокоить её лишний раз. Ей и так несладко: работа, ребенок — всё на ней одной.

***

Попрощавшись с Чжу Таотао, Юэ Цянь принялся мысленно распутывать нити. Теперь в деле о биржевых махинациях всплыла семья Гун. Более того, выяснилось, что именно крах на рынке стал причиной их жилищных проблем, а натянутые отношения Цзюнь Вэнь с матерью тянулись еще из юности. Но эти ниточки пока не складывались в петлю, которую можно было бы набросить на убийцу старика Чжу.

Следователь зашел в первый попавшийся ресторанчик и только успел сделать заказ, как ожил телефон. Звонил Инь Мо.

— Офицер Юэ, вы где?

«Словно проверку устраивает», — подумал он.

— На задании. Что стряслось?

— Как завидую, — вздохнул Инь Мо, — у вас есть работа. А я вот снова не у дел.

Юэ Цянь первым делом подумал о поминках: неужто опять кто-то устроил дебош?

— Только не говорите, что там драка. Вы в порядке?

— А? Вы про похороны в Цзинмэй Таюань? Давно всё закончилось, кто же покойника так долго держит.

Мужчина облегченно выдохнул. Действительно.

Однако Инь Мо продолжал сокрушаться:

— Тяжело нынче честному человеку. То густо, то пусто. Офицер Юэ, я сегодня ни единого заказа не получил.

Тот, и так взвинченный делом, огрызнулся:

— А я тут при чем?

Собеседник тут же припомнил старые долги:

— Опять за свое? Не забыли, из-за кого я подался в город на вольные хлеба? Погода дрянь, а мне приходится по больницам да старым дворам листовки совать.

Юэ Цянь нахмурился.

«В больницах он листовки сует... Будь я на месте родственников больных, я бы те листовки тебе в глотку забил!»

— И вообще, вы обещали помочь с трудоустройством, — в голосе бумажного мастера послышалась усмешка. — Где же обещанное место? Куда мне податься?

— Слушайте, вы видите, что мне сейчас не до ваших вакансий? Сделайте одолжение, подождите, пока я разберусь с этим делом.

— Вы часом не надумали сбежать? — вкрадчиво спросил Инь Мо.

— С чего бы мне бежать?

— Вы ведь собираетесь в Цанлун.

Юэ Цянь опешил.

— Откуда такие сведения?

— Неважно. Просто ответьте — да или нет?

— ...Служебная командировка. Вернусь, как только закончу.

— Я еду с вами.

— Не мелите чепухи!

— Хозяин! Принесите порцию креветок с чесноком, тушеные овощи и паровые пельмени, — раздался знакомый голос за спиной. Офицер резко обернулся.

Инь Мо стоял в дверях ресторана и весело махал ему рукой.

— Ой, какая встреча! Вы тоже решили здесь пообедать?

У следователя задергался глаз. Какая встреча? Как же. Этот тип знает о его поездке в Цанлун — найти место, где он обедает, для него явно не составило труда.

Мужчина подошел к столу, склонился над тарелками и со знанием дела заключил:

— Ого, какие у вас вкусы.

Юэ Цянь заказал себе маосюэван и говядину с острым перцем. На столе не было ничего белого, кроме риса.

— Вот и славно. Поделюсь с вами своими овощами, а то у вас сплошной огонь, — бумажный мастер бесцеремонно уселся напротив и зачерпнул себе риса. Его собственные блюда еще не принесли, поэтому он без лишних слов принялся за чужую еду.

Полицейский сверлил его взглядом.

— То, что вы сказали по телефону... вы ведь не серьезно?

Собеседник, застигнутый остротой перца, мгновенно покраснел носом и глазами.

— М-м? Вы о чем?

Юэ Цянь нахмурился:

— Вы правда собрались в Цанлун?

— Конечно. Вас ведь не будет в Наньхэ, к кому мне идти, если что случится? — Инь Мо лихорадочно запикивал в рот рис, пытаясь заглушить пожар во рту.

— Пойдите, у вас же полно знакомых! Какая помощь вам от меня нужна? — Следователь искренне не понимал его логики. — Когда вы мотались по всему городу, а я был деревенским оболтусом, вы как-то справлялись сами.

— Не уходите от ответственности, — отрезал бумажный мастер. — Раньше дела шли в гору. А теперь кто виноват, что заказов нет?

В этот момент принесли креветки с чесноком. Аромат был такой соблазнительный, что офицер решил отложить споры. К черту всё, сначала поесть.

Минут десять они молча поглощали еду. Утолив первый голод, Юэ Цянь проговорил:

— Вы просто хотите создать мне проблем.

Тот расплылся в улыбке:

— А вы проницательны.

Полицейский промолчал, решив в отместку съесть еще пару его креветок.

— В Цанлуэ мне будет не до вас. Я еду не один, — серьезно добавил он, продолжая трапезу.

— Да ладно вам, будто в Наньхэ вы только мной и занимались, — парировал мужчина. — Вон, заказ в Цзинмэй Таюань мне вообще управдом нашел.

— Так и пусть дальше ищет.

— Искать можно везде, какая разница? — весело отозвался он. — К тому же в Цанлуэ я смогу в любой момент полюбоваться на вашу кислую мину.

— Значит, все эти дни вы за мной следили?

Инь Мо картинно вскинул руки:

— Вовсе нет! Мы просто иногда сталкивались. Но я веду себя прилично, никогда не мешаю вашей важной работе.

Слова «прилично» и «честно» в устах этого человека всё больше казались офицеру ругательствами.

Вечером следователь встретился с Е Бо. У него оставались вопросы к семье Гун, но коллега уже проверил алиби матери и отца: в момент смерти Чжу Цзяньшоу они оба резались в карты. Что касается Цзюнь Вэнь, то её местонахождение в ту ночь еще предстояло уточнить.

***

Первого марта Юэ Цянь вместе с тремя оперативниками из Отдела по расследованию тяжких преступлений отправился в Цанлун. В начале пути вагон был полупустым, и он машинально окинул взглядом салон.

«Инь Мо вчера грозился поехать следом — неужто и в поезд сядет тот же самый?»

Когда двери закрылись, офицер облегченно выдохнул. Группа была в сильном напряжении: по приезде в Цанлун их ждало совещание с местным управлением. Трое оперативников, не сговариваясь, закрыли глаза, решив вздремнуть. Следователь же, который в одиночестве выспался в общежитии (враждебный И Цин куда-то исчез), теперь меланхолично разглядывал пейзаж за окном.

Внезапно краем глаза он уловил знакомый силуэт.

Юэ Цянь мгновенно подобрался. Присмотрелся — точно, Инь Мо. Тот шел по проходу належке, явно кого-то высматривая. Столкнувшись взглядом со следователем, мужчина просиял:

— А вот и вы.

Офицер сидел у прохода, место через проход пустовало. Бумажный мастер плюхнулся туда и сокрушенно схватился за живот:

— Я вчера переел вашего маосюэван, до сих пор живот крутит. А вы как?

— У меня всё в порядке, — процедил Юэ Цянь, стараясь говорить как можно тише.

Но Инь Мо и не думал умолкать, продолжая в деталях расписывать коварство острой еды. Двое коллег полицейского открыли глаза и с недоумением уставились на незнакомца.

Тот дружелюбно помахал им ручкой:

— Добрый день! Я друг Сяо Юэ. Мы вас разбудили? Простите великодушно.

— Нет-нет, ничего, — буркнули оперативники.

Мужчина, однако, не унимался: покончив с едой, он принялся жаловаться на пробки по дороге к вокзалу — мол, едва не опоздал. Юэ Цянь не выдержал:

— Ты в каком вагоне?

Инь Мо прищурился:

— В шестом. Там полно свободных мест.

Следователь резко встал:

— Идем туда.

У Инь Мо было двойное сиденье, напротив — пусто. Юэ Цянь сел напротив, ожидая продолжения банкета, но тот внезапно замолчал.

— Ну? Ты же хотел поболтать? Говори, — голос офицера прозвучал резче, чем он планировал, чем привлек внимание ребенка на соседнем ряду.

Малыш был очень тихим и послушным, он смотрел мультики на планшете в наушниках, стараясь не мешать взрослым.

Инь Мо приложил палец к губам:

— Тсс... Ты слишком шумишь. Видишь, даже ребенок на тебя косится.

Следователь закипал:

— Это же ты хотел общаться!

Мальчик стянул один наушник и громко прошептал:

— Мама, эти дяди так громко разговаривают, совсем невоспитанные.

Юэ Цянь промолчал.

Бумажный мастер тут же обратился к ребенку:

— Это у этого дяди нет воспитания, малыш. А у меня есть, сейчас я его проучу.

Стиснув зубы и желая закончить этот цирк, Юэ Цянь пересел на свободное место рядом с ним. Почти на ухо ему он прошипел:

— Что тебе от меня нужно?

— Ровным счетом ничего. В общественных местах нужно соблюдать тишину, — мужчина тоже повернул голову, отвечая едва слышным шепотом. Его дыхание щекотало кожу, заставляя ухо гореть. — Твои коллеги спят, и я тоже хочу.

— Ты!..

— Тсс... Я вчера отравился твоим перцем, всю ночь бегал в туалет, глаз не сомкнул. Теперь хочу выспаться, так что не мешай.

Следователь вперил в него яростный взгляд, но Инь Мо уже безмятежно закрыл глаза.

В вагоне воцарилась тишина. Юэ Цяню не сиделось на месте, но наушники остались в сумке в другом вагоне, а при себе был только телефон. Стоило ему попытаться встать, как мужчина железной хваткой вцеплялся в его руку. Когда следователь в очередной раз со вздохом опустил на сиденье, тот прошептал, не открывая глаз:

— Я боюсь, что у меня что-нибудь украдут, пока я сплю. Раз уж ты не спишь, присмотри за вещами.

Мальчик напротив продолжал буравить офицера взглядом, словно тот был капризным ребенком с дефицитом внимания.

Делать было нечего. Юэ Цянь остался сидеть рядом.

Постепенно дыхание бумажного мастера стало ровным и глубоким. Следователь покосился на него. Спит? Так быстро?

Похоже, сонливость заразна. Глядя на мирно сопящего соседа, офицер и сам почувствовал, как тяжелеют веки. Но стоило ему начать проваливаться в дрему, как плечо ощутимо потяжелело. Инь Мо во сне потерял контроль, и его голова мягко соскользнула на плечо полицейского.

«Эй!!!»

Культурный офицер Юэ мог кричать только в своей голове.

Тело на мгновение напряглось, но затем медленно расслабилось. Ладно уж, пусть поспит так, невелика беда.

Так они и сидели. Чужое дыхание и биение сердца ощущались почти физически. Вскоре сон окончательно сморил Юэ Цяня. Мерный стук колес действовал как колыбельная, и в конце концов он тоже погрузился в забытие.

Когда он открыл глаза, мир вокруг был под наклоном. Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: теперь он сам уютно устроился на плече Инь Мо.

Голос того прозвучал над самым ухом:

— Наконец-то вы проснулись. Я уже руки не чувствую.

<http://bllate.org/book/15837/1441844>